

Н. В. Тузов

**Этнический
и религиозный
факторы
во внутренней
политике России
на стыке веков**

*ТЕОРИЯ
И ПРАКТИКА
НАЦИОНАЛЬНОЙ
ПОЛИТИКИ*

Центробежные процессы, развернувшиеся в Советском Союзе в конце 80-х годов XX века, требовали обратить особое внимание на национальный вопрос. Власти, видимо, не полагаясь на имевшиеся рычаги и возможности в разработках ученых, решились на создание специального государственного органа по делам национальностей. Подобный шаг в то время был запоздалым, но необходимым. В то время идея национального самоопределения стала ускорителем политической реакции. Национальное возрождение и объявленная демократизация в обществе вошли в опасное противоречие. Следовало обратить максимальное внимание на науку, дать ей возможность углубленно анализировать имевшиеся ситуации. А. Тихомиров писал: «...наука имеет... огромное значение для политического творчества. И недостаточно, для разумности ее влияния, чтобы она обладала средствами общечеловеческого научного наблюдения. Наука должна быть, сверх того, самостоятельной, непосредственно наблюдать свою страну»¹. Национальный вопрос всегда был чрезвычайно важен для России². Крупные обобщающие работы по проблеме национальной политики и государственного устройства были изданы такими известными политологами и специалистами, как В. А. Михайлов³, Р. Г. Абдулатипов⁴, В. А. Тишков⁵. В книге Н. П. Медведева «Национальная политика России. От унитаризма к федерализму»⁶ исследуются принципиальные вопросы внутренней политики государства, связанные с территориально-административной организацией, в которых этнический момент играл важную роль, а сам этнос понимался как субъект полити-

ки. Этносоциальная стратификация на Северном Кавказе в историческом отношении и с точки зре-

ния этнических стереотипов изучается в работах Э. Х. Панеш и Г. У. Солдатовой⁷.

Политическая стабильность страны зависит как от этнорелигиозных процессов в Средней (Центральной) Азии и на Северном Кавказе, так и от геополитической ситуации в южном регионе в целом. Политологи обращают особое внимание на эти события⁸ в работах общего плана, посвященных проблемам южнороссийского региона⁹. В последние годы в российской политической литературе, периодике, СМИ появилось множество публикаций на тему поиска и нахождения (формулирования, уточнения) такой идеи, теории, которая оправдывала бы прошлое и давала надежду, указывала путь в будущее; в большинстве случаев значительная роль отводится религии¹⁰.

Государство бывает прогрессивно только тогда, когда оно стабильно в развитии. По Р. Достмухамедову, политическая стабильность общества — это «внутренняя стабильность отношений между различными слоями и классами общества, а также довольно высокий уровень поддержки населением существующего политического строя и сложившейся системы экономических отношений и распределения богатства»¹¹.

Однако поиск эффективного государственного управления межнациональными отношениями для преодоления сепаратистских тенденций привел к созданию союзно-республиканского Комитета по делам национальностей, на который руководство страны возложило решение проблем межнациональных отношений, включая конфликты в вопросах статуса и развития народов и др. Указом Президиума Верховного Сове-

та РСФСР 15 ноября 1989 г. был создан Государственный комитет РСФСР по национальным вопросам, состоявший из Главного управления национальных образований, законодательства и правовых вопросов; Главного управления социально-экономического развития и национальных программ; Главного управления межнациональных отношений; Управления национально-культурного развития и подготовки национальных кадров; Управления народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; Управления информации и научно-методических работ; Управления делами.

В середине июля 1990 г. Госкомитет был преобразован в Государственный комитет РСФСР по делам национальностей (Госкомнац РСФСР). Его структура была более гибкой, он состоял из отдела прогнозирования национального развития (проблемы теории и практики национального развития и конфликтологии, этнодемография, актуальные проблемы межэтнических и национальных отношений и др.), отдела культуры межнационального общения, языковых проблем и подготовки национальных кадров; отдела по национально-государственному устройству и правовым вопросам; отдела по связям с органами управления и общественными организациями; отдела связей с национальными общинами и организациями за рубежом; отдела по вопросам межнациональных отношений в республиках, краях, областях и округах РСФСР; отдела анализа социально-экономического развития национально-территориальных образований; отдела по спецработе и кадрам. Было создано также Управление по делам народов, не имеющих национально-государственных образований. Забегая вперед, отметим, что очередная реорганизация случилась накануне распада СССР, когда Президент РСФСР Ельцин подписал 28 ноября 1991 г. Указ «О реорганизации центральных органов государственного управления РСФСР», по которому Государственный комитет РСФСР по делам национальностей был упразднен и на его базе был образован Государственный комитет РФ по

национальной политике. Его первым главой был директор Института этнологии и антропологии РАН В. А. Тишков (март-ноябрь 1992 г.). Его сменил С. М. Шахрай, бывший на этом посту до 1994 г. В феврале 1993 г. Госкомнац был преобразован в Государственный комитет Российской Федерации по делам Федерации и национальностей (Госкомфедерация России).

10 января 1994 г. согласно президентскому Указу «О структуре федеральных органов исполнительной власти» Госкомфедерация России и Госкомсевера России были объединены в Министерство Российской Федерации по делам национальностей и региональной политике (Миннац России) во главе с бывшим губернатором Краснодарского края Н. Д. Егоровым. В 1995 г. его сменил д-р ист. наук, проф. В. А. Михайлов, его место в середине 1998 г. занял экс-спикер Пермского парламента, инженер по образованию Е. С. Сапиро. С 1996 г. это ведомство уже называлось Министерством по делам национальностей и федеративным отношениям. В результате осенней административной реорганизации 1998 г. министерство распалось на два новых — Министерство по национальной политике и Министерство региональной политики. Первое возглавил д-р филос. наук, проф. Р. Г. Абдулатипов. В 1999 г. при объединении этих ведомств главой министерства вновь стал В. А. Михайлов, которого в начале 2000 г. сменил энергетик А. В. Блохин. При нем это учреждение стало именоваться Министерством по делам федерации, национальной и миграционной политики. В конце 2001 г. министром без портфеля по национальным делам был назначен экс-депутат Госдумы В. Ю. Зорин.

В феврале 2002 г. министерство было упразднено. Ситуация сохранялась такой более двух с половиной лет, когда после захвата школы в Беслане власти решили восстановить этот орган. В. В. Путин на расширенном заседании правительства с участием глав субъектов РФ 13 сентября 2004 г. сказал: «...считаю... необходимым внести изменения в структуру правительства и воссоз-

дать министерство, ответственное за вопросы региональной и национальной политики». Министром стал полпред президента в ЮФО В. А. Яковлев¹².

Целостность и стабильность Российской Федерации во многом зависят от построения эффективной региональной (этнотерриториальной) политики, что требует учета множества факторов, детерминирующих как взаимоотношения между центром и субъектом, так и дальнейшее развитие этого субъекта. С сожалением приходится отметить, что в России, по мнению большинства ученых и специалистов¹³, так до сих пор и не существует разработанной научной концепции региональной национальной политики, отсутствует эффективная институциональная координационная система. Это и неудивительно: сами российские лидеры все эти годы (90-е годы XX века) только формировали цельное представление о сути и содержании политики государства в отношении национального.

Один из известных российских политиков, бывший министр по делам национальностей, бывший сенатор, а ныне Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Республике Таджикистан, руководитель Ассамблеи народов России Р. Г. Абдулатипов считает, что национальная политика призвана адаптировать государственную политику к реальным условиям жизнедеятельности конкретных народов, национальностей, задачам их сотрудничества, в том числе и во имя усиления государства¹⁴.

В начале 90-х годов министр по делам национальностей В. А. Михайлов считал, что национальная политика в Российской Федерации есть. Другое дело, насколько она действительна и отвечает ли интересам народа¹⁵. В 1995 г. заместитель министра по делам национальностей и региональной политике Российской Федерации В. Н. Шамшуров признавал, что в России национальной политики нет¹⁶. Михайлова в начале 1999 г. поддержал Р. Г. Абдулатипов, в то время министр национальной политики РФ, сказав следующее: «У любого государства есть своя

национальная политика. Даже если государство не декларирует ее — она всегда есть»¹⁷. Спустя семь лет он же уточнит это свое мнение относительно конкретного региона: «...долгосрочной, квалифицированной, грамотной политики на Северном Кавказе нет. Поэтому регион становится жертвой бандитов и политики, которую мы там проводим»¹⁸.

Является ли любая политика государства по отношению к народностям и этносам национальной или все же следует признать за ней обязательность наличия стройной системы взглядов и установок — вопрос непростой. «Не знаю, как другие, но национальный вопрос просто недопустимо обсуждать в атмосфере повышенной международной напряженности», — считал в 1999 г. Р. Г. Абдулатипов. — Тут, думается, уместно применение противной слуху рафинированного демократа цензуры, чтобы не допустить ущемления, дискриминации национально-этнических прав российских граждан ради безопасности страны, мирного сожительства этносов»¹⁹. Большие надежды возлагаются на национально-культурные автономии²⁰.

В 80-х годы XX века возник кризис идеи государства, мироустройства, который, вероятно, проявился отчасти в результате процессов деэтатизации, охвативших обширные зоны современного мира, в которых долгое время тлели непогашенные очаги межэтнических, межконфессиональных отношений; государство было не в состоянии обеспечивать необходимый минимум условий проживания населения, а само общество отличалось чертами архаичности и традиционализма²¹. Кризис идеи государственности породил в зарубежной политологии две основные версии дихотомии «государство-негосударство»: «государство и гражданское общество» и «государство и индивидуум»²². Уже в середине 90-х годов прошлого века имелось несколько теоретических моделей либерально-демократического государства. В советской политологии в 70–80-х годах XX века широко обсуждалось понятие

государства как «социального организма», идентичность и нормы которого влияют на национальные интересы — их идентификацию, понимание, отстаивание и т. п.²³ Значительное влияние на такие подходы оказывала политика государства, навязывавшая устаревшие стереотипы решения национальных и социальных проблем (с точки зрения «классовости», «нашего советского человека» и т. п.).

Политическое пространство оказывает безусловное воздействие на социальное пространство. Особенность современных политологических работ заключается в обращении к субъектности, к выявлению активного начала в социальном и политическом действии. Такой подход в целом представляется правильным. Предполагается, что политик «знает» цели и ожидания общества и старается рационально использовать свои способности и знания для оправдания надежд масс. Вариантом этой модели рационального целенаправленного поведения выступает концепция конструирования социальных отношений через законотворческую деятельность. Как правило, любой законопроект имеет некие общие теоретические предпосылки, проходит необходимые фазы обсуждения и проработки, что гарантирует его рациональность и легитимность.

Тем не менее данная модель не вполне объективна, поскольку она связана с доктриной будущего, выступающей средством идеологического контроля, направленного на охрану политического режима. Возможен и иной вариант способа конструирования социальных отношений властными структурами: поскольку в сфере политики действует множество групп и интересов, то в результате их взаимодействия образуется некоторый результат, который можно было бы назвать «общественным благом». Однако эта практика также таит в себе множество тупиковых ситуаций, примером чему является процесс и результат перестройки. Третий вариант: властные структуры сами воспроизводят и конструируют на социальном поле систему отношений, которая возникает

и развивается в их собственной среде. Таким образом, власть пытается уподобить общество самой себе. Э. Тоффлер отмечал, что «продолжение технократических процедур постановки целей сверху вниз приведет ко все большей социальной нестабильности, все меньшему контролю над силами перемен»²⁴.

Многое зависит от интерпретации интересов народа, поэтому естественно, что политики любого ранга и направленности стараются легитимизировать свои действия со ссылкой на интересы народа. Как аргументы, предъявляются следующие оправдания и ссылки:

1. Власти знают об интересах народа лучше, чем сам народ, который не знает, где его благо и счастье. Это патерналистская модель общественного устройства, которая ведет к инфантильности, основанной на слепом доверии к официальной доктрине и к авторитету высшей власти (СССР времен Сталина).

2. Противоположная точка зрения утверждает: народ сам знает о своих интересах лучше, чем любые его представители. При этом аргументе предполагается, что общеизвестен механизм формирования и осознания интересов народа, также механизм делегирования их представителям власти для реализации.

Интерпретация «интересов народа» политиками тесно связана с их жизненной картиной мира, интегральным восприятием действительности, собственной трактовкой категорий и понятий «социальная справедливость», «равенство» и др. Как отмечает А. Г. Здравомыслов, среди москвичей «в 1989 г. существовала прослойка массового сознания, готовая принять патерналистские установки. Вместе с тем такое же число граждан выражало готовность осуществлять функцию опеки над другими»²⁵. По данным изучения общественного мнения в конце 2005 г., более половины россиян выступало за однопартийную систему, т. е. опять-таки за патернализм.

В свое время основанием для системного кризиса стал раскол народа. «Общество, пораженное расколом, характеризуется об-

щей социальной неустойчивостью, разрывом коммуникаций внутри общества, между обществом и государством, между духовной элитой и народом, между правящей и духовной элитой, внутри почвы, внутри личности и т. д., высоким, имеющим тенденцию к повышению уровнем дезорганизации, постоянно грозящим выходом за допустимый порог... Раскол проникает в каждую клеточку культуры, социальных отношений... Все начинает приобретать неорганический характер... Раскол... делает насилие как средство ликвидации раскола формой самоубийства, самоистребления»²⁶. Такую же оценку давали и другие ученые. Дело в том, что кризис общества, смена политических сил порождает кризис легитимности. Власть нуждается в признании себя, что подразумевает подчинение и поддержку. Для ориентира в этой ситуации необходимы прежде всего законы, однако наша действительность показывает, что для людей важны не столько разумные программы, заявления и т. п., доказательственная, рациональная база, сколько субъективные впечатления, опора на традиционализм, личные симпатии и антипатии. Таким образом, мы вновь сталкиваемся с субъективным фактором, на который зачастую налагается этнический или религиозный фактор.

Политики очень часто используют такие словосочетания, как «интересы народа», «интересы нации» и т. п., создавая удобную им социальную реальность и символическое пространство. Как считает А. Г. Здравомыслов, в действия властей по конструированию социальной реальности следует включить и создание конфликтных ситуаций²⁷. При этом власти используют как прежние, так и новые различия и противоречия. По мнению В. Серебрянникова, «в XX веке... люди, народы, общество и государство ни от чего так не страдали, как от безумной власти и политики, от репрессивно-террористических, тоталитарных режимов, безответственных и безалаберных политиков и совершенно не компетентного властвования»²⁸. Поэтому нужна защита общества от дурной

власти, нужно защищать более высокие ценности, чем непосредственно существующая политическая система.

Управление национальными процессами — это вовсе не вмешательство в естественный, исторически обусловленный ход развития наций, насильственное вмешательство в национальную жизнь. Это управление заключается в том, чтобы в соответствии с законами и тенденциями, объективно действующими в системе национальных отношений, создать благоприятные условия для развития национально-этнических общностей, разрешать их проблемы и противоречия. Необходимо научно разработать закономерности и тенденции развития наций и национальных отношений, принципов, форм, способов мирного сожительства народов в едином многонациональном государстве. Для реального управления национальными процессами надо делать все необходимое с целью экономического, социального, духовного прогресса наций. Управление национально-этническими процессами осуществляется не непосредственно, а опосредованно, через экономические, социальные, духовные, демографические, миграционные и иные факторы общественной жизни. Более длительного времени и больших усилий требует просветительская, пропагандистская работа по внедрению новых, прогрессивных традиций, обычаев вместо устаревших, отживших.

Управление национальным вопросом на уровне всех ступеней власти предполагает регулирование отношений между федеральными органами и субъектами Федерации, которые в многонациональной России непременно включают национальный аспект. Важный уровень — это отношения между субъектами РФ: республиками, краями, областями. Необходимо сочетание их интересов, разрешение противоречий. Внутренние же процессы, т. е. управление национальными процессами внутри субъектов, затрагивают вопросы взаимоотношений между национальностями. Однако многое, если не все, зависит от того, насколько будут отрегули-

рованы межэтнические отношения на самом низовом уровне — на уровне коллективов, семьи, общин.

Имеются также специалисты, которые считают «ненормальным» актуализацию национального вопроса в наши дни и пытаются, исходя именно из этой установки, найти корни современных негативных процессов в России. Например, Д. Волкогонов отмечал, что в то время, когда во всем мире нарастают интеграционные процессы, выдвижение национального вопроса на первый план является исторической аномалией. Причиной он видит вину большевиков, которые ликвидировали губернии и заменили их национальными образованиями²⁹.

Национально-этнические и межконфессиональные разногласия и трения, конфликты стали компонентом новой реальности, оказали влияние на все последующие события фактически в любом конце страны. Они неизбежны и неустранимы, их нельзя «разрешить» путем возврата к предшествовавшей, исходной ситуации. Властям следовало осознать, что будущее должно строиться исходя из опыта этих первых конфликтов. Однако никому не удалось найти «баланс интересов» и добиться примирения сторон. Национальные интересы и национальные конфликты не находились в центре внимания реальной политики. Более того, уровень государственного управления вновь и вновь порождал национальные конфликты. Последующие события показали, что для Москвы наиболее важным оказался вопрос о власти в центре, о соотношении законодательной и исполнительной властей, о способах утверждения президентской власти. Априори полагалось, что как только власть в центре будет упрочена, так она сразу же сможет заняться разрешением национальных споров.

Такая предпосылка глубоко ошибочна. Она показывает, что власти не понимают конфликтности самого политического процесса: для политических деятелей высшего эшелона разрешение местного конфликта увязывается с тем решением общегосударст-

венных вопросов, которое соответствует точке зрения и интересам определенной стороны. Отношение к конфликтующим сторонам в регионе со стороны общероссийских сил и структур определялось мерой поддержки, на которую могли рассчитывать эти силы и структуры со стороны соответствующих региональных группировок.

В условиях национального, конфессионального и иного многообразия характерной чертой российского развития было традиционно сильное государство, опирающееся не на групповые (например, этнические) интересы и ценности, а на единый цивилизационный проект. Заложённая в нем объединяющая идея всегда играла мобилизующую роль и позволяла сохранить социокультурное равновесие в обществе, осознание им себя как единого целого.

Национальные интересы должны быть подчинены целям демократических преобразований общества. Их нельзя рассматривать абстрактно, ибо их применение вне конкретного исторического, социально-политического и культурного контекста нередко приводит к результатам, противоположным декларируемым целям. Важно также соблюдение прав человека, приверженность ценностям свободного рынка и плюралистической демократии.

В 90-х годах XX века наблюдалось некоторое падение интереса к специфике России как «моста» между Востоком и Западом. Был период, когда эта позиция, несущая на себе отпечаток старого спора между западниками и славянофилами, воспринималась как неконструктивная и в некоторой мере даже реакционная, поскольку в ней якобы было заложено отрицание собственной ценности России, ее самостоятельной роли на мировой арене. В такой ситуации следует помнить, что стержень исторической миссии России состоит в том, чтобы служить гарантом стабильности на постсоветском геополитическом пространстве.

По всей вероятности, можно считать в известной мере уже пройденным этап острых дискуссий в науке о досоветской и совет-

ской России как имперской державе. Изучение прошлого показывает, что неверным является утверждение, будто бы царская Россия собирала свои земли железом и кровью, жестоко подавляя сопротивление колонизируемых ею народов и угнетая их на протяжении всей истории своего существования. То же относится и к советскому периоду, определявшемуся как «тюрьма народов», в котором Москва насильно удерживала в своей орбите и подвергала экономическому ограблению и национальному унижению национальные окраины. Как заявлял известный американский политолог Ф. Фукуяма, «Россия длительное время была имперской и авторитарной державой»³⁰. Между тем, как показали исследования Р. Овинникова³¹, в 1991 г. общесоюзные субсидии составляли 45% в бюджете Таджикистана, 43% — Узбекистана, 35% — Кыргызстана, 25% — Казахстана и 22% Туркменистана. Основной вклад в общесоюзный бюджет вносил РСФСР — около 60%, соответственно, он и выступал в роли крупного донора для этих республик. Таким образом, вряд ли справедливо называть СССР империей в указанном смысле.

Слабость государственной власти в первой половине 90-х годов прошлого века проявлялась прежде всего в кризисе законности. Наиболее характерными признаками можно считать принятие органами власти ряда субъектов Федерации актов, противоречащих федеральному законодательству и нарушающих положения российской Конституции. В Конституциях не всех республик Северного Кавказа признавался безусловный приоритет Конституции РФ и федеральных законов. Например, в ст. 7 Конституции Ингушетии, ст. 65 Конституции Дагестана говорилось о том, что законы России правомерны на территории этих республик, если они не противоречат суверенным правам республик³².

В 90-х годах XX века правовой нигилизм должностных лиц как субъектов, так и центра вошел в систему. Ясно проявились угроза распада единого правового пространства и утрата управляемости страной. Поэтому

меры в этой области, предпринятые В. В. Путиным после прихода к власти, представляются необходимыми и даже в известной степени запоздалыми. В настоящее время, на наш взгляд, у власти нет достаточных ресурсов для выравнивания межнациональных отношений в регионе. Необходимо объединение усилий всех здоровых сил общества, для которых достижение мира и согласия является первоочередной задачей. Построение новой концепции развития этнорелигиозных процессов в РФ предполагает создание соответствующей законодательной базы, повышение уровня подготовки кадров, их профессионализма. Крайне важно реализовывать на практике, при необходимости корректируя, принимаемые акты и законы, поскольку это тоже является еще одним способом вернуть доверие народа к власти. Из принимавшихся прежде законов, имевших большое значение для стабилизации ситуации на Северном Кавказе, можно упомянуть Закон «О реабилитации репрессированных народов», который декларировал ряд коллективных прав этнических групп, подвергшихся репрессиям, в том числе право на «территориальную реабилитацию». Таким образом, его субъектом выступили не граждане, принадлежащие к репрессированным народам, а сами общности.

Закон «О языках народов РСФСР» провозгласил гарантии прав граждан на пользование родными языками, установил право республик на введение собственных государственных языков и возможность использования языков национальных меньшинств в местах их компактного проживания.

Признанием проблем в межэтнических отношениях стала одобренная в 1996 г. концепция государственной национальной политики РФ, поскольку в ней содержалась возможность утверждения первичности прав человека и гражданской общности. Последующие законы, обсуждавшиеся в российском парламенте, другие правовые акты из-за слабой совместимости содержательных пунктов «групповых прав» и «группового развития» с идеей равенства индиви-

дов перед законом содержали элементы декларативности и определенного популизма, в них не были прописаны механизмы решения отмеченных проблем.

¹ Тихомиров Л. А. *Монархическая государственность*. СПб., 1905. С. 93.

² См.: Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX в.) // *Вопросы истории*. 1996. № 11–12. С. 39–73; Абдулатипов Р. Г. Основные направления государственной национальной политики Российской Федерации на Северном Кавказе // *Основные направления государственной национальной политики Российской Федерации на Северном Кавказе*. М., 1999; Бугай Н. Ф., Гонов А. М. *Северный Кавказ: новые ориентиры национальной политики (90-е годы XX века)*. М., 2004 и др.

³ См.: Михайлов В. А. *Национальная политика России как фактор государственного строительства*. М., 1992; *Национальная политика России: история и современность* / ред. В. А. Михайлов и др. М., 1997 и др.

⁴ См.: Абдулатипов Р. Г., Болтенкова Л. Ф., Яров Ю. Ф. *Федерализм в истории России*. Кн. 1. М., 1992; Абдулатипов Р. Г. *Сущность нации-этноса: ответ сторонникам безнациональности*. М., 1999; Он же. *Основы национальных и федеративных отношений*. М., 2001. и др.

⁵ См.: Тишков В. А. *Очерки истории и политики этничности в России*. М., 1997; Он же. *Этнология и политика: научная публицистика*. М., 2001.

⁶ См.: Медведев Н. П. *Национальная политика России: От унитаризма к федерализму*. М., 1993.

⁷ См.: Панеш Э. Х. *Этническая психология и межнациональные взаимоотношения: Взаимодействие и эволюция*. СПб., 1996; Солдатова Г. У. *Психология межэтнической напряженности*. М., 1998.

⁸ См.: *Современные проблемы геополитики Кавказа: Южнороссийское обозрение*. Вып. 5. Отв. ред. В. В. Черноус. Ростов-на-Дону, 2001; Гаджиев К. С. *Геополитика Кавказа*. М., 2001; Дегоев В. *Большая игра на Кавказе: история и современность*. М., 2003 и др.

⁹ См.: *Юг России на рубеже III тысячелетия: территория, ресурсы, проблемы, приоритеты* / под ред. А. Г. Дружинина, Ю. С. Колесникова. Ростов-на-Дону, 2000; *Социально-политическая ситуация на Кавказе: история, современность, перспективы*. М., 2001; *Современное общество на юге России: основные тенденции развития*. Ростов-на-Дону, 2001 и др.

¹⁰ См.: *Россия в XX веке: судьбы исторической науки*. М., 1996; Малащенко А. В. *Исламское возрождение в современной России*. М., 1998; Басилов В. Н. *Общественное мнение и национальность // Обновление России: трудный поиск решений*. Вып. 6. М., 1998; *Исламо-христианское пограничье: итоги и перспективы изучения*. Казань, 1994; *Мусульмане России накануне XXI века: материалы Междунар. науч. конференции*. М., 1998 и др.

¹¹ Досмухамедов Р. М. *Экономическая безопасность России как основа политической стабильности общества*. М., 2004. С. 127.

¹² *Независимая газета*. 2004. 14 сентября.

¹³ См., напр.: Торшин А. П. *О федерализме многонациональной России // Российский федерализм: проблемы и перспективы*. М., 2004. С. 108–112.

¹⁴ См.: Абдулатипов Р. *Парадоксы суверенитета*. М., 1995. С. 126.

¹⁵ См.: Михайлов В. А. *Национальная политика России как фактор государственного строительства*. М., 1992. С. 2.

¹⁶ *Известия Калмыкии*. 1995. 17 февраля. С. 1.

¹⁷ *Этносфера*. 1999. № 2. С. 4.

¹⁸ *Независимая газета*. 2003. 26 декабря.

¹⁹ Абдулатипов Р. *Нация и национализм: добро и зло в национальном вопросе*. М., 1999. С. 56.

²⁰ См.: Михайлов В. А. *Полиэтнический ресурс российской государственности // Российский федерализм: проблемы и перспективы*. М., 2004.

²¹ См.: Неклесса А. И. *Ответ России на вызов времени: стратегия технологической конверсии*. М., 1997. С. 20, 32.

²² Donleavy P., O'Leary B. *Theories of the State. The Politics of Liberal Democracy*. L., 1987 [reprinted in 1991]. P. 320.

²³См.: Политические системы современности: очерки. М., 1978; Национальные интересы: теория и практика: сб. статей. М., 1991.

²⁴Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2003. С. 520.

²⁵Здравомыслов А. Г. Социология конфликта: Россия на путях преодоления кризиса. М., 1995. С. 160.

²⁶Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. М., 1991. Т. 3. С. 290-291.

²⁷См.: Здравомыслов А. Г. Указ. соч. С. 168.

²⁸Россия: проблемы политической стабильности и безопасности: материалы круглого стола. М., 1997. С. 7.

²⁹Красная звезда. 1995. 18 июля.

³⁰Независимая газета. 1992. 6 ноября.

³¹Независимая газета. 1994. 16 апреля.

³²См.: Беджанов М. Б. Россия и Северный Кавказ: межнациональные отношения на пороге XXI века. Майкоп, 2002. С. 94-96.

(Окончание следует)